

- ⁴ Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М., 2000. С. 33.
- ⁵ См.: Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии, М., 1988. С. 152–201.
- ⁶ См.: Смирнов И. Человек человеку – философ. СПб., 1999.
- ⁷ Клакхон К. К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб., 1998. С. 303.
- ⁸ Козлова Н. Н. Социалистический реализм как феномен массовой культуры // Знакомый незнакомец: соцреализм как историко-культурная проблема. М., 1995. С. 208.
- ⁹ См.: Богданов К. Повседневность и мифология. СПб., 2001. С. 380.
- ¹⁰ Там же. С. 382.
- ¹¹ Там же. С. 385.
- ¹² Там же. С. 421.
- ¹³ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. «Художественный журнал». М., 1999. С. 43.
- ¹⁴ См.: Кларк К. Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург, 2002.
- ¹⁵ См.: Богданов К. Повседневность и мифология. С. 423.
- ¹⁶ Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи (голоса из хора). С. 70.
- ¹⁷ Друбек-Майер Н. Россия – «пустота в кишках». «Счастливая Москва» А. Платонова как аллегория // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 288.
- ¹⁸ Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи (голоса из хора). С. 106.
- ¹⁹ Там же. С. 120–127.
- ²⁰ Там же. С. 128.
- ²¹ См.: Смирнов И. Человек человеку – философ. СПб., 1999. С. 42.
- ²² Ионин Л. Г. Социология культуры. С. 242.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Кайуа Р. Мимикрия и легендарная психастения // Новое литературное обозрение. 1995. № 13. С. 112.
- ²⁵ Там же. С. 114.
- ²⁶ См.: Эткинд А. Эрос невозможного: история психоанализа в России. СПб., 1993. С. 410.
- ²⁷ Рыклин М. Террорологии. Москва; Тарту, 1992. С. 17–18.

И. Я. Мурзина

РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКО- КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Переходный характер современной российской культуры настоятельно требует осмысления проблемы пути России, вновь, как и век назад, делая актуальным обсуждение вопросов самого существования страны, векторов ее развития, взаимоотношений территорий, этносов, социальных групп. Сложность описания современной социокультурной ситуации состоит в том, что создание моделей функционирования национальной культуры вступает в противоречие с практикой конкретного бытия, обусловленной наличием сложных связей между отдельными социальными или этническими группами, их притяжением-отталкиванием, общностью и различием исторических судеб, разнонаправленностью ценностных ориентаций.

Социокультурные процессы, происходящие в современной России, во многом связаны с предшествующим этапом развития страны. Произшедшие в самое последнее время изменения в государственном устройстве, новая политическая и социальная ситуация обострили скрытые ранее противоречия, обнажив целый спектр нерешенных проблем: это проблемы федеративного устройства, кроссэтнических взаимодействий, сосуществования различных территориальных, политических, экономических, социальных и других образований.

Множество вопросов, которые сегодня воспринимаются как особенно острые, не получают должного осмысления, поскольку оказываются связанными прежде всего с актуальной социально-политической ситуацией, и попытки их решения делаются исключительно исходя из наличного бытия. Тем не менее становится ясно, что многие из проблем имеют многолетнюю, а зачастую многовековую историю. Поэтому наряду с анализом фактов и разрозненных аспектов современной жизни необходимо обращение к более сложному феномену существования страны – анализу культуры как «подсистемы бытия»¹.

Сложность описания феномена культуры кроется в его известной множественности: быть одновременно формой существования отдельных этносов, народностей, социумов и создавать поле для их взаимного сосуществования. Мегауровень (мировой культуры), спроецированный на уровень развития национальной культуры (мезоуровень), не упрощает ситуацию. Обратившись к национальной культуре, мы вновь сталкиваемся с единством многообразия, связанного уже с социокультурными различиями, возникающими на разных исторических ступенях развития. Если обратиться к географическим и историческим факторам, то мы обнаруживаем, как на одной и той же территории в разные исторические эпохи возникают разные культуры, иногда генетически связанные с предшествующими, иногда отрицающие их. В рамках одного политического и социально-экономического целого сосуществуют, вступая в противоречия или сглаживая их, различные культурные миры с особыми этническими историями, конфессиональной принадлежностью и т. п. Более того, говоря о мире национальной культуры, мы постоянно сталкиваемся с дифференциацией на уровне индивидов, обусловленной социальным опытом, системами воспитания, способами самореализации.

Создание моделей функционирования национальной культуры вступает в противоречие с практикой конкретного бытия, обусловленной наличием сложных связей между отдельными социальными или этническими группами, их притяжением-отталкиванием, общностью и различием исторических судеб, разновекторностью ценностных ориентаций. И, может быть, особую трудность вызывает анализ культуры России, которая по разнообразию культурно-исторических типов, живших и живущих на ее территории, типологически близка мировой культуре в целом.

Обращаясь к культуре России, нужно выделить несколько плоскостей исследования, в современной социокультурной ситуации приобретающих особую актуальность: Россия как многонациональное единство (с акцентом на рассмотрении проблем межкультурной коммуникации), Россия как многоконфессиональная страна (с акцентом на толерантное отношение к представителям иной, нежели твоя собственная, системы верований), Россия как общее пространство для жизни представителей многих наро-

дов (с акцентом на исторически сложившемся территориальном единстве). Доминантой анализа в любой из названных плоскостей должно стать представление о единстве многообразия, необходимости преодоления межэтнических и межконфессиональных противоречий, ценности *каждой* культуры, возникшей на территории огромной страны. Представление о культуре России как сложной гетерогенной системе тесно связанных между собой элементов приводит к тому, что ее можно описать как исторически сложившуюся целостность, взаимосвязь и взаимообусловленность элементов которой приводят к признанию множественности существующих (или существовавших) моделей культурного развития.

Однако *такой* истории культуры России до сих пор нет. При всем разнообразии конкретных исследований (от описания культур отдельных народов или отдельных социальных групп, проблем межкультурных связей разного уровня, способов организации социальной жизни до анализа социально-психологических особенностей представителей того или иного сообщества, их политических или экономических предпочтений) остается ощущение отсутствия единства в представлении о культуре России как целостности. Методологической базой для создания такого рода истории культуры России могли бы стать работы Л. Гумилева, который рассматривал специфические «целостности» – этносы – как социокультурные общности и особые формы внутренней дифференциации человеческого вида в зависимости от географических условий жизни и хозяйственной деятельности².

Так сложилось, что история страны оказалась тесно связана с все расширяющимся пространством с запада на восток и с севера на юг. Как отмечал Х. Дж. Макиндер, рассматривая еще в начале XX века значение расширения России «от Москвы в сторону Сибири», «бросок всадников через всю Азию на восток был событием, в той же самой мере чреватым политическими последствиями, как и преодоление мыса Доброй Надежды, хотя оба эти события долгое время не соотносили друг с другом»³. Классик геополитики, географ, он в большей мере уделяет внимание политическому фактору, в то время как настоятельно требуется осмыслить культурное значение этого расширения пространства страны.

Вопрос о роли пространства в судьбе России имеет глубокие исторические корни. О влиянии российских просторов на жизнь и судьбу страны и ее жителей писали, начиная с XVIII века, со времени активного расширения границ страны на восток. Выдающиеся ученые, такие как М. Ломоносов, Д. Менделеев, В. Семенов-Тянь-Шанский, видели в территории главное богатство России. Огромные просторы к востоку от Урала становятся одним из важных факторов самосознания россиян. Н. Бердяев отмечал, что необъятные пространства стали духовным фактором бытия русского человека и внутренним фактом его судьбы⁴. Обратной стороной этого безграничного пространства стала его неосвоенность.

Историческое развитие страны шло по пути экстенсивного расширения: за пятьдесят лет XVI века русские землепроходцы прошли от Уральского хребта до Тихого океана свыше 7 тыс. км (пространство, сопоставимое со всей Западной Европой). И, как следствие, огромные территории не успевали осваиваться. Сложный процесс колонизации, «прирастания России Сибирью» приобретал специфический характер: огромные незаселенные просторы необходимо было не только административно «включить» в границы империи, но «превратить» Сибирь в Россию. Это должен был

быть процесс не только военно-политического или экономического свойства, а, по преимуществу, *социокультурный*.

Расширение границ Российской империи создавало беспрецедентную культурную ситуацию – на территории, как казалось, единой страны существовали «внутренние колонии», правовой и административный статус которых был определен сравнительно поздно – к XIX веку, а отсутствие развитых транспортных и иных коммуникаций усложнило процесс взаимодействия с «метрополией». Геополитические интересы империи требовали сохранения огромных территорий страны, при том что «сохранение» было возможно только при условии развития территорий. Однако длительное время единство страны обеспечивалось только подчинением всей жизни государственным интересам.

На наш взгляд, и сегодня остается не до конца осмысленной сама проблема освоения пространства России. Регион как единица целой страны может быть осмыслен не только в политическом или административном смысле, но и как «ментальная конструкция»⁵, т. е. как представление о конкретном географическом пространстве, закрепленное в сознании людей. В таком контексте проблема освоения территории становится и актом ее «присвоения».

Люди, осваивавшие новые территории, не ощущали своей оторванности от России, напротив, они считали себя русскими. Более того, сам процесс продвижения, например, на восток и землепроходцами, и пришедшими вслед за ними насельниками, и мыслителями XIX века понимался как процесс «роста России». Об этом можно прочесть и в работах историка и известного просветителя Сибири XVIII века П. Словцова, и у Н. Надеждина в «Опыте исторической географии Русского мира», и у Н. Данилевского в книге «Россия и Европа». Последний, в частности, замечал, что новые территории не ведут к созданию новых центров русской жизни, а лишь расширяют ее «единый и неделимый круг»⁶, т. е. самый процесс включения огромных пространств не воспринимался поначалу как колонизация в ее европейском смысле слова, а различия между центром и новыми территориями понимались исключительно в контексте экономического развития.

Однако проблема оказалась сложнее. В силу того, что в различных областях наличествовали разные природно-географические условия, возникают первоначальные различия в бытовом и хозяйственном укладах, а кросскультурные связи «пришлого» и «старожильческого» населения становятся одним из факторов, обуславливающих специфические формы жизни. Так постепенно на единой территории России, в единых административных границах Русского государства, людьми, осознающими свое единство с Центральной Россией, создаются особые формы культурной жизни. Можно было бы сказать, что происходит процесс становления новых культур, но это не совсем так. Это скорее процесс возникновения «вариантов» единого инварианта – русской культуры. Таким образом, можно говорить о том, что фактически формируется и начинает существовать, постепенно выделяясь из общего мира русской культуры, но не порывая с ним, особая культура – региональная. Но достаточно длительное время носители этой культуры ее не осознают как нечто особенное.

В этом нам видится особенность и *специфичность региональной культуры*. Она становится, прежде всего, как форма бытия (специфическая форма существования социума и человека в определенных пространственных ко-

ординатах, опирающаяся на историческую традицию, формирующая систему ценностей, продуцирующая тип личности). В таком качестве она может продолжать существовать достаточно долго, не акцентируя свою специфичность как характеризующую локальный социум. Только поднявшись до уровня самосознания, она превращается в «региональную культуру» (другое дело, что процесс вызревания самосознания культуры может занимать длительный период). В этом кроется известная парадоксальность региональной культуры как феномена, существующего на значительных этапах своего развития и «внутри» национальной культуры, и «наряду» с ней.

Ситуация осмысления и осознания своей специфичности жителями Урала, Сибири, Дальнего Востока связана с ростом общественного самосознания во второй половине XIX века. К 20-м годам XX века возникает определенная исследовательская традиция, позволяющая говорить, что процесс самосознания региональной культуры шел очень интенсивно. Тот факт, что административно и политически восточные от Урала территории не были выделены в отдельные административные единицы (губернское и уездное деление носило формально-административный характер) и самостоятельности ни политической, ни экономической, по сути, не имели, привел прежде всего к росту историко-культурных исследований регионов.

Можно упомянуть сибирских областников. Применительно к изучению Урала назовем ученых Пермского университета во главе с председателем кружка по изучению Северного края профессором П. Богословским, который обосновал в своих трудах представление об Урале как особом географическом пространстве со специфическими формами социальной и культурной жизни. Отмечая, что Урал был местом, куда переселялись десятки тысяч крестьян из различных мест Европейской России, он подчеркивал, что в данном регионе существовала и существует «своеобразная городская цивилизация», с особой «мировоззренческой сущностью», «специфическим стилем художественного оформления» и утверждал «право Урала и Прикамья на особое внимание со стороны историка культуры»⁷. Уральские ученые видели необходимость историко-культурных исследований, проблематика которых позволяла бы раскрыть связь истории региона с историей России, понять специфику регионального развития. В силу идеологических причин начиная с 30-х годов XX века исследовательский интерес в этой области не поощрялся. Это не только обеднило содержание работ историков, но, что, как нам кажется, более важно, не позволило развиваться процессу самосознания региональной культуры.

В последнее десятилетие возрос интерес к региональной специфике, появились исследования, посвященные феномену регионализма, его геополитической и социально-экономической составляющим. Однако работ по истории региональных культур внутри русского культурного мира практически нет. Во многом это связано с общими процессами, происходящими в современной культуре. Унификация, свойственная сегодняшней жизни, тиражированность общих стандартов, связанная с глобальными тенденциями в культуре постиндустриального общества, во многом нивелирует различия между отдельными странами, регионами, областями. Возникает иллюзия общей судьбы и единого культурного поля, что, по-видимому, не исключает наличия региональных особенностей и необходимости осознания региональной специфики как носителями региональной культуры, так и ее исследователями.

В процессах осмысления региона как специфического историко-географического пространства необходимо учитывать, как происходит процесс его «выделения» из общего мира национальной культуры. Особую роль начинают играть «адаптивно-адаптирующие»⁸ механизмы культуры, действие которых можно обнаружить, если обратиться к историческому опыту отдельных людей и микросообществ. Содержательный анализ географической среды дает материал об адаптации к конкретным природным условиям, выработавшимся на протяжении исторического развития отдельной культурной общности и нашедшим свое воплощение в формах духовного освоения мира и в материальных артефактах; обращение к исторической географии позволяет проанализировать феномен межкультурной коммуникации; описание ценностно-нормативной системы, транслируемой обществом индивиду и усваиваемой (или не усваиваемой) им, делает возможным связать воедино «ядро» культуры и его актуальное состояние; обращение к социально-психологическим особенностям личности открывает способы самоидентификации личности и формы ее самоактуализации в конкретной исторической ситуации.

Освоение территории в восточном направлении дает обширный материал, иллюстрирующий механизмы адаптации человека и создания новых форм культуры, обусловленных новыми условиями бытия.

Для описания данного явления введем ряд определений, прежде всего понятие «материнская культура». Мы будем использовать его как синоним понятия «культура Центрально-Европейской России». Другой используемый нами термин – «региональная культура». Традиционно его использовали для обозначения культур, находящихся на определенных территориях, по преимуществу в других странах. Специфика культуры связывается с региональной спецификой конкретной историко-географической области (культура Востока, культура Запада или анализ особенностей отдельных культур, например, Латинской Америки или Франции). Мы предлагаем использовать этот термин для описания многообразия культур, находящихся внутри единой страны. Региональная культура генетически связана с национальной культурой, *соотношение национальной культуры и ее регионального варианта может быть рассмотрено как связь общего и особенного.*

Для того, чтобы на конкретной территории сложилась своя региональная культура, материнская культура должна пройти несколько этапов.

Первый – это включение данного географического пространства в поле освоения материнской культуры (ситуация «открытия» в той или иной степени характерна для многих регионов России: осваиваются Урал, Сибирь, Дальний Восток, Юг России, в более позднее время – территория Восточной Пруссии – Калининградская область).

Второй этап – это освоение новой родины переселенцами (миграция населения из Центральной России и Русского Севера на Урал и дальше в Сибирь, освоение южно-русских земель казаками, украинцами, белорусами).

На этом этапе происходит физическое и символическое включение территории в состав России. Физическое включение территории в административный состав Русского государства предшествует символическому включению – обретению смысла существования людей, связанного с местом их жизни, с представлением о роли, которую призвана играть данная территория в судьбе страны (быть «кладовой» природных богатств, как Урал или Сибирь, выполнять функцию охраны рубежей – южных, восточ-

ных или западных). Этот процесс происходит позже, когда люди активно осваивают территорию в ходе практической деятельности и начинают ее осознавать как «свою»⁹.

Жители из разных областей страны, являясь носителями, с одной стороны, материнской культуры, с другой, привнесенных в нее особенностей, связанных с местом прежнего проживания (это лучше всего представить на примере языка, существующего как единый, общий для всех носителей, и диалектный, характерный для данной местности), стремятся адаптироваться к конкретным формам существования, однако сохраняют в различных культурных формах (от одежды и жилища до языка и обрядности) черты прежней жизни.

На третьем этапе начинает осознаваться «связь с местом», выражающаяся в определенных способах хозяйствования, организации социальной жизни. Вступая в межкультурную коммуникацию с коренными народами и переселенцами из других регионов, люди начинают осознавать собственную идентичность именно как людей, живущих в данном пространстве. На этом этапе формы жизни еще несут особенные черты тех мест, из которых переселились люди, и его можно рассматривать как переходный от культуры региона к региональной культуре.

Четвертый этап отличается тем, что люди, живущие на конкретной территории, воспринимают ее как свою родину, происходит обретение региона как «смысла-для-себя». Характер производства и социальной жизни, осознание собственной особенности и значимости в судьбе страны, сформировавшийся этос и нашедшие свое воплощение эстетические ценности – все это дает право называть культуру жителей конкретного региона *региональной*.

Пятый этап связывает национальную и региональную культуру новыми по характеру связями: не представляя себя вне «большого целого», регион ощущает собственную значимость и стремится влиять на судьбу «целого». Таким образом, он на этом этапе превращается в форму существования национальной культуры, одновременно обеспечивая ее развитие, сохранение внутреннего динамизма. Другой формой влияния региона может быть исполнение им специфической хозяйственно-экономической роли (например, обеспечение выхода к Балтийскому морю или к Тихому океану), иногда с политическим оттенком («уральский» или «петербургский» след в политической истории современной России). Еще одно проявление подобной тенденции связано со стремлением представителей региональных культур оказывать влияние на изменение духовного климата в стране в целом. На наш взгляд, такой феномен русской культуры 70-х годов XX века, как появление сибирских писателей-«деревенщиков», стал не только явлением в искусстве, но и выступил индикатором нравственного состояния общества.

Интересно, что не всякий регион продуцирует свою региональную культуру. Так, можно говорить о региональной культуре применительно к Уралу, Сибири, Югу России. Однако области Центральной России не могут быть рассмотрены как феномены региональной культуры, исторически они находятся в рамках «материнской» русской культуры¹⁰. Отдельными территориями можно назвать Русский Север, который воспринимается как квинтэссенция русской культуры и связан с другим древнерусским центром – Новгородом, и собственно столичные центры – Москву и Петербург.

Принадлежащие региональной культуре личности и произведенные в ее рамках артефакты становятся определенным образом маркирован-

ными: они получают статус атрибутов данной культуры. Не отрицая их национальной принадлежности (феномены русской культуры), можно говорить, что они становятся еще и региональными репрезентантами. Это наличествует в личностных характеристиках (ср. закрепленные в обыденном сознании – «москвич», «петербуржец», «сибиряк», «донской казак») и в артефактах (камнерезное искусство как «визитная карточка» Урала).

Таким образом, региональная культура, определяемая условиями существования людей и определяющая формы их существования, является интегрирующим началом жизни конкретной территории.

Исходя из такого понимания феномена региональной культуры, закономерным представляется онтологический анализ, который предлагается вести как формы бытия и как формы регионального самосознания, соединенные между собой как фазы ее генезиса.

Первый аспект анализа связан с рассмотрением особенностей региональной культуры в контексте связей «природа – культура» и «культура – социум».

Отправной точкой в анализе региона становится специфика географической среды. Природно-климатические условия, наличие тех или иных полезных ископаемых, особенности ландшафта – все это становится серьезными предпосылками для развития определенного типа жизнедеятельности и способов хозяйствования на данной территории. Особую значимость на этом этапе приобретают вопросы заселения территории, взаимоотношений человека и ландшафта, проблемы этногенеза. В каждом конкретном случае регионального анализа эти общие вопросы наполняются конкретным содержанием. Так или иначе, уже на уровне дифференциации пространства возникает представление об особенностях возникающей на определенной территории культуры. Возникающие в процессе преобразования природной среды типы поселений, особенности застройки, специфика хозяйственно-бытовой деятельности и т. п. создают новую, не свойственную собственному ландшафту, но присущую именно миру культуры среду существования определенного человеческого сообщества.

Другим важнейшим условием, определяющим облик региональной культуры, является формирующаяся здесь специфика социальных отношений и связей, включающая особенности социальной структуры, социального статуса личности, системы и форм коммуникации. Еще одним элементом, сущностно характеризующим региональную культуру, выступает наличие артефактов как продуктов творчески-преобразующей деятельности локального социума.

Ко второму аспекту относится рассмотрение региональной культуры в контексте «бытие и сознание» и, наконец, в отношении культуры к самой себе. В содержательном смысле региональная культура раскрывается здесь через характеристику специфики мироощущения и миропонимания членов регионального сообщества, особенности картины мира, идентичности и самосознания личности и локального социума, посредством формирования системы знаков и значений.

Природная среда оказывается освоенной человеком не тогда, когда начинается хозяйственная деятельность на определенной территории, но тогда, когда происходит так называемое символическое присоединение места. Исследование топохронов (определенных культурных миров в заданных пространственно-временных координатах) в логике семиотичес-

ких исследований позволяет реконструировать процесс символического освоения места жизни, дает возможность обозначить «вертикали» и «горизонталы» культурного ареала, выявить закрепленные во времени и пространстве ценностно-значимые ориентиры.

Следующим этапом анализа региональной культуры должно стать описание закрепленных в культурной памяти образов мира: пространства (прошлого и настоящего), конкретных исторических личностей и легендарных героев, почитаемых на данной территории и закрепленных в фольклоре.

Воссоздание определенного образа мира приводит к тому, что на следующем этапе становится необходимым проанализировать формы самосознания представителей данной культуры. Раскрывая специфику самосознания людей, живущих на определенной территории, мы тем самым создаем предпосылки для описания артефактов, свойственных данной региональной культуре, на новом уровне, а именно – как репрезентантов определенного способа мироотношения и мировосприятия.

Методика анализа региональной культуры была бы, на наш взгляд, неполной без включения в нее систем трансляции социального опыта, особое место среди которых в современной культуре занимают системы образования. Аккумулируя и передавая социально-культурный опыт, сложившийся на определенной территории, система образования призвана воспитывать ценностное отношение к родной культуре, формировать чувство причастности к культуре региона и культуре страны. Региональная культура становится серьезным фактором существования локального социума тогда, когда члены этого социума осознают себя как некое единство, идентифицируют себя с конкретной территорией, ощущая себя связанными с нею не только производственными связями, но и транслируемыми ценностями, среди которых значимость места жизни в судьбе ее жителей и судьбе страны ощущается как доминантная.

Важным дополнением к анализу региональной культуры в онтологическом плане является ее рассмотрение с точки зрения функциональности. Региональная культура выполняет для локальной территории те же функции, что и «материнская» для всей страны: *человекотворческую*, создавая определенный тип личности; *регулятивную*, выступая регулятором общественных отношений (на уровне устоявшихся местных норм и принятых законов); *аксиологическую*, формируя систему ценностей, опираясь как на традиции «пришлых людей», так и на традиции местных жителей; *символическую*, наполняя пространство жизни символами; *коммуникативную*.

На наш взгляд, именно коммуникативная функция в региональной культуре выходит на первый план, определяя тип личности, «задавая» вектор развития индивиду, регулируя социальные отношения.

Коммуникация в широком смысле – передача/получение любой информации в ходе человеческой деятельности. Наряду с языковой можно выделить невербальную коммуникацию, воплощенную в артефактах, системах мышления, способах самоактуализации индивида и пр. Усложненность коммуникативных систем в современной культуре создает определенные трудности для описания процесса трансляции/восприятия информации. Попытаемся рассмотреть ряд возможных ситуаций, в которых коммуникативная функция культуры наиболее ярко представлена.

Поскольку региональная культура формируется на основе национальной и понимает ее как свое внутреннее «ядро», постольку адаптация мате-

ринской культуры к определенным условиям человеческой жизни может быть рассмотрена как первый опыт коммуникации. Такой тип коммуникации можно описать через возникающие в региональной культуре артефакты (одежду, жилище, бытовую утварь и пр.). Этот тип коммуникации свойственен первому этапу взаимодействия материнской культуры и новым пространственно-географическим условиям ее существования. Результатом этого процесса становится включение в актуальную культуру людей (переселенцев и местного населения) новых форм жизнеустройства и, как следствие, формирование системы описания этих новых форм. Более отчетливо это видно в языке, активно заимствующем «имена» для описания повседневности.

Следующий уровень коммуникации связан с процессом духовного освоения действительности, формированием символических систем. Человек, осваивая определенное пространство жизни, вступает в диалогические отношения с природным миром, коренными жителями данной территории, другими «пришлыми» людьми, миром «духовных сущностей». В ходе этих множественных связей формируются мифологические представления о реальности, создаются символические системы.

Для осознания собственной идентичности требуется понимание единого символического ядра, служащего объединяющим началом для жителей той или иной социальной общности. Символами, репрезентирующими определенное сообщество и служащими знаками его консолидации, могут стать закрепленные в *географическом пространстве* артефакты (крепости, храмы, различные типы поселений, административно-хозяйственные учреждения), закрепленные в *социальном пространстве* человеческие типы (которые объединяют характерные черты личности, воспитанной в определенных исторических условиях на данной территории), закрепленная в *ментальном пространстве* официальная символика, представляющая регион. Процесс символизации пространства жизни становится условием существования социума как единой системы. Это необходимое условие коммуникации, в ходе которой происходит своеобразная дифференциация мира жизни на «свой» и «чужой».

Результатом этой символической деятельности можно считать формирование *языка* как свидетельства завершенной духовной освоенности жизненного пространства. Для региональной культуры характерно формирование особых языковых форм (фонетических, лексических, синтаксических), позволяющих описывать реальность максимально точно, и зафиксированное в говорах. В языке жителей отдельного региона можно обнаружить несколько пластов: один связан с общерусской лексикой, адаптированной к условиям жизни, другой представляет собственно языковое творчество русских поселенцев, третий – заимствования у других народов, населявших край. Взаимоотношение языковых пластов может рассматриваться и как модель коммуникации в региональной культуре.

На региональную культуру можно посмотреть как на «текст», который становится реальностью при «осознании» и/или «прочувствовании-переживании» человеком. В этом «тексте» актуализируются смыслы и ценности, выработанные общенациональной культурой, но индивидуализированные и интериоризированные в ходе духовно-практической деятельности человека в конкретных условиях. И «прочитывается» этот «текст» как сим-

волическое единство элементов, ценностно-значимых для жителей той или иной территории.

Как отмечал П. Сорокин, «именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры»¹¹. Однако ценности носят не застывший, раз и навсегда данный характер, они динамически изменяются в ходе исторического развития культуры, в социальной практике людей. Одним из результатов деятельности людей по усвоению ценностей культуры можно рассматривать символизацию пространства жизни (если понимать под символом ценностно-значимое для человека и социума явление).

На региональную культуру можно смотреть как на особую общность: в ее поле сосуществуют равнозначные и равноценные элементы не только национальной культуры, но и элементы, свойственные другим этническим культурам и освоенные в ходе межэтнической коммуникации на определенной территории. Региональная культура становится, таким образом, интегратором этнически разнородных элементов, обеспечивая в рамках локальной территории возможность межкультурного и межэтнического взаимодействия и реализуя на практике модель поликультурного единства.

Человек, осознающий себя принадлежащим к определенному местному сообществу, становится носителем различных «культур» – этнической, региональной, общероссийской. При этом принадлежность к региональной культуре создает условия для преодоления этнических противоречий за счет наднациональной идентичности, а этнокультурные и межнациональные конфликты во многом снимаются именно региональной самоидентификацией людей разных национальностей. Первичность регионального при забывании этнического – это та форма социального устройства, которая гарантирует мирное существование и сводит к минимуму возможность конфликтов «на национальной почве». По сути, мы имеем дело с моделью непротиворечивого существования поликультурного единства, в рамках которого происходит объединение людей как «по горизонтали» – между народами, живущими на данной территории, так и «по вертикали», объединяя страну.

При рассмотрении специфики функционирования региональной культуры появляется реальная возможность по-новому взглянуть на культуру страны. Россия представляет собой единство разнородных элементов: этнокультурных и поликультурных (региональных) общностей. Сознание «россиянина» – это напластование культурных знаков и значений, усвоенных в процессе жизни. При этом особую значимость приобретает непротиворечивость универсальных и личных смыслов. Освоение культуры России каждым конкретным ее жителем ведется через обретение личных смыслов, опосредованных локальным сообществом. Региональная культура становится тем «адаптивным механизмом», который объединяет национальные и наднациональные ценности, обеспечивая идентификацию россиянина. Изучение региональной культуры как структурообразующего элемента культуры России позволяет сформировать положительную идентичность, дает возможность человеку обрести непосредственную связь с миром, осознать себя частью большого целого.

Таким образом, изучение феномена региональной культуры становится основой для раскрытия сложно организованной системы культуры страны. Представляется, что введение понятия региональной культуры и ее

философско-культурологический анализ существенно расширяют представление о специфике существования культуры страны в целом, о способах существования национальной культуры и ее продуктивных началах.

¹ См.: Казан М. С. Философия культуры. СПб., 1996.

² См.: Гумилев Л. Н. Этносфера: История людей и история природы. М., 1993.

³ Макиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Классика геополитики, XX век. М., 2003. С. 25.

⁴ См.: Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1918.

⁵ См.: Ремнев А. В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio*. 2000. № 3–4. С. 343–358.

⁶ Данилевский Н. Россия и Европа. М., 1991.

⁷ Богословский П. С. О постановке культурно-исторических изучений Урала // *Уральское краеведение*. 1927. Вып. 1. С. 35–36.

⁸ Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М., 1983.

⁹ Условность выделения этапов трансформации национальной культуры в культуру региона и региональную культуру заставляет нас несколько раз обращаться к «символическому» освоению нового места жительства, поскольку смысл предлагаемый (расширение границ страны) далеко не всегда становится для человека «смыслом-для-себя», значит, чтобы стать символической ценностью, регион должен войти в сознание его жителей как необходимое, а зачастую и единственно возможное место существования.

¹⁰ Даже в обыденном сознании слова «русская культура» закреплены географически: они ассоциируются с Центральной Россией, с тем, что исторически называлось Москвой.

¹¹ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 427.

М. Н. Начапкин

РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛЬНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ О ПРОБЛЕМАХ ВЛАСТИ И СВОБОДЫ

В современном мире консерватизм является одним из главных направлений общественно-политической мысли. Консерватизм – это политическая идеология, выступающая за сохранение «органических» форм существующего государственного и общественного порядка, в первую очередь морально-правовых отношений, воплощенных в религии, браке, семье, собственности. «Органическое» общество, по мнению консерваторов, – это единственный организм, который развивается подобно дереву, и грубое вмешательство в его жизнь может привести к гибели. Консерватизм – это не собрание догм, а особый взвешенный способ реагирования на изменчивость социальной и политической действительности, который не приемлет простого механического копирования опыта других стран. Консерватизм огромен и многозначен. Как феномен культуры, умонастроение, способ духовной и практической ориентации в мире, он уходит в начало общественной жизни человечества. Консерватизм коренится в самой природе человека как дух, противостоящий радикальному и резкому обновлению политической и социально-экономической жизни.